

КИФА

И САМИ,
КАК ЖИВЫЕ КАМНИ,
УСТРОЯЙТЕ ИЗ СЕБЯ
ДОМ ДУХОВНЫЙ

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

12 ⁽²⁴⁴⁾ •
декабрь 2018

ТРУДНАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ
СОЛЖЕНИЦЫНА
стр. 5

МЫ ТРУДИМСЯ ДЛЯ ТОГО,
ЧТОБЫ ЖИЗНЬ В
ХРИСТИАНСКОЙ СВОБОДЕ
БЫЛА В ЦЕРКВИ УЗНАНА
И ПРИЗНАНА СВОЕЙ
стр. 11

ВСЯКОЕ СЛОВО, СКАЗАННОЕ
В АУДИТОРИЯХ,
ТАК ИЛИ ИНАЧЕ
ИСПЫТЫВАЕТСЯ В ЖИЗНИ
стр. 15

ТЕМА

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОМУ ИНСТИТУТУ 30 ЛЕТ

стр. 11–17

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ НА САЙТЕ GAZETAKIFA.RU 12+

МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ МИТРОПОЛИИ
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ СОДРУЖЕСТВО МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

7–9 февраля 2019 г., Екатеринбург – Ганина Яма

ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА В ИСТОРИИ РОССИИ: ЯВЛЕНИЕ ЕДИНСТВА В РАЗРОЗНЕННОМ МИРЕ

Феномен православных братств в последнее время всё чаще оказывается в сфере научных, общественных и церковных интересов. Ставшая традиционной конференция «Православные братства в истории России» с каждым годом привлекает всё большее число участников и выносит на обсуждение различные аспекты изучаемого явления: основные направления служения дореволюционных братств; принципы устройства и причины появления братств и духовных союзов после революции 1917 года; связь между братствами Юго-Западной Руси и последующими формами братского устройства церковной жизни и т. д.

Продолжая развивать заявленные ранее темы, организаторы конференции предлагают сделать центральной темой размышлений в 2019 году – историю православных братств и духовных союзов в период гражданской войны.

Содержание

ДЕКАБРЬ 2018

~ Новость номера

В Москве прошёл VIII фестиваль православных СМИ «Вера и слово» | 2

~ Событие

Россия между прошлым и будущим | 3

~ Интервью

О преодолении кризиса и евангельских основах жизни | 23

~ Тема номера

Трудная актуальность Солженицына | 5

Мы трудимся для того, чтобы жизнь в христианской свободе была в церкви узнана и признана своей | 11

Всякое слово, сказанное в аудиториях, так или иначе испытывается в жизни | 15

~ Живое предание

Братский помянник | 18

~ Свято-Филаретовский институт

Воспитание личности | 20

~ Церковь и культура

Свет надежды по ту сторону отчаяния | 27

Солженицын и поэты андеграунда | 30

Издание Преображенского содружества малых православных братств

gazetakifa.ru

КИФА

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).
Главный редактор:
А.В. Колымагина
Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: +7-495-624-92-50
Электронный адрес редакции:
gazetakifa@gmail.com

Газета зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-46907 от 5 октября 2011 г. Отпечатано в типографии «Бьорк», г. Москва, ул. Складочная, дом 6, строение 3.

Тираж 1350. Цена свободная. Выпуск подписан в печать 22 ноября 2018 г. Время подписания в печать: по графику – 9.00, фактическое – 9.00. Дата выхода в свет 1 декабря 2018 г.

Подписной индекс в агентстве Роспечать – 19601

Над номером работали: Анастасия Наконечная, Максим Дементьев, Александр Копировский, Елена Шевелева, Татьяна Тыртыш, Мария Кайкова
Дизайн и верстка: Марина Подкопаева
Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение». Газета издается с октября 2002 г. Все права защищены. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
Сайт газеты: gazetakifa.ru

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org;
в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ – ул. Покровка, д. 29, оф. 38);
в Санкт-Петербурге: в киоске «Предание», тел. +7-963-316-37-81
в Париже: в магазине «YMCA-Press»: 11, Rue de la Montagne Sainte-Genevieve
Телефоны распространителей
Москва:
+7-910-421-64-60 (Анна Гринман),
+7-903-100-93-73 (Денис Кудряшов)
Санкт-Петербург:
+7-963-316-39-81 (Анастасия Наконечная)

Архангельск: +7-921-073-32-76 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-247-11-37 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-50-35 (Александр Терехов)
Екатеринбург: +7-904-388-03-91 (Татьяна Благодарёва)
Рязань: +7-920-632-06-71 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-909-551-20-11 (Татьяна Колпакова)
Тверь: +7-909-266-88-83, +7-905-551-02-70 (Олег Ермолаев)
Тула: +7-920-746-69-73 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-43-05 (Ольга Кузнецова)
США, Канада: +1-651-210-49-22, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)

На первой странице обложки: Митрополит Московский и Коломенский Филарет. Неизвестный художник XIX в. Частное собрание
Четвёртая страница обложки: Пятидесятница. Мозаичный свод. Фрагмент. Собор св. Марка, Венеция

В этом месяце у нашего номера не могло не оказаться двух главных тем.

Невозможно в дни столетнего юбилея Александра Исаевича Солженицына – человека, продолжившего пророческое служение великой русской литературы – не поговорить о его произведениях, о том, как отразился его образ в нашей культуре. Тех, кто ещё в 1970-е, 1980-е услышал его голос как голос правды, кто передавал друг другу

слепые фотографии странничек «Архипелага ГУЛАг» и не смутился не только советской клеветой, но и последующим постсоветским замалчиванием, всё-таки не очень много. И пока мы не готовы честно и открыто, с покаянием и надеждой на исправление пути взглянуть на минувшее столетие, мы не сможем по-настоящему прочитать Солженицына.

Вторая наша тема – 30-летие Свято-Филаретовского института – как раз и говорит о надежде. Эта

надежда не может не быть связана с тем, что православный институт, следующий лучшим традициям, стремящийся ввести студентов в глубину и полноту предания и одновременно свободный, не опасющийся идти в своих исследованиях вперёд и поднимать самые острые вопросы, существует так долго, что и сам может считаться частью традиции.

Ну и наконец в номере не может не прозвучать тема «Константинопольского

Александра Колымагина

кризиса». Развёрнутый комментарий читатель найдёт в интервью священника Георгия Кочеткова «О преодолении кризиса и евангельских основах жизни». **КФ**

Н О В О С Т Ь Н О М Е Р А

В Москве прошёл VIII фестиваль «Вера и слово»

Александра Колымагина

В последние дни октября в Подмосковном пансионате «Клязьма» и в Москве, в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя, проходил очередной фестиваль православных СМИ. Проходит он раз в два года начиная с 2004-го. В последние годы фестиваль представляет собой несколько масштабных встреч для представителей епархиальных информационных отделов (предваряет фестиваль традиционная неформальная встреча с руководителем Синодального отдела по взаимоотношениям с обществом и СМИ В.Р. Легойдой, а центральным событием всегда становится встреча с Патриархом Московским и всея Руси Кириллом) и многочисленные мастер-

классы, посвящённые всему спектру информационных технологий, от печатных СМИ до мессенджеров.

В этот раз в центре обсуждения на «больших» встречах неизбежно стала ситуация на Украине и конфликт с Константинополем. Рассказав о том, как непросто принималось решение Синода в Минске, В.Р. Легойда подчеркнул: «В заявлении Священного Синода была найдена максимально корректная форма: действия Константинопольского Патриархата сделали невозможным для нас продолжение общения. Фактически разорвали отношения они, а мы констатировали ситуацию разрыва». Практически все вопросы участников и на той, и на другой больших встречах были связаны

Разговор о роли братств, особенно в кризисные периоды, пришлось продолжить и после встречи. Александры Колымагина и Владимир Легойда

с тем, как воспринимать и отражать в СМИ всё углубляющийся кризис. Прозвучал связанный с этим вопрос и от «Кифы»: не пора ли в сложившейся ситуации прежде всего опираться на изначальные общинно-братские основания жизни Церкви? К сожалению, такой подход

по-прежнему непонятен для большинства представителей церковных СМИ, и вопрос так и остался практически без ответа... Как всегда, «Кифа» взяла несколько интервью с участниками фестиваля, и мы надеемся познакомить с ними читателей в ближайших номерах. **КФ**

Россия между прошлым и будущим

На конференции в Культурно-просветительском центре «Преображение» встретились «хранители» и «самородки»

Александра Колымагина. Фото: Александр Волков, Александра Строцева, Кирилл Мозгов

Пленарное заседание конференции. В президиуме: историк С.В. Волков, духовный попечитель Преображенского братства священник Георгий Кочетков, председатель Преображенского братства Д.С. Гасак, историк А.А. Тесля

Конференция «Россия между прошлым и будущим: хранители и самородки» прошла в загородном доме Культурно-просветительского центра «Преображение» 6–8 ноября.

В течение трёх дней на многочисленных пленарных заседаниях (в один из дней конференции два таких заседания проходили параллельно), во время работы секций, на музыкальном и

творческом вечерах встретились историки и культурологи, филологи, философы и богословы – все те, кто исследует пути передачи и рождения традиции.

В дискуссиях приняли участие предводитель Российского Дворянского собрания Олег Щербачёв, президент Столыпинского центра регионального развития Николай Случевский, профессор Института философии РАН Сергей Хоружий,

поэты Юрий Кублановский и Ольга Седакова, сопредседатель Межрегионального движения «Бессмертный полк» Сергей Лапенков, директор Международного института гуманитарно-политических исследований Вячеслав Игрунов, председатель наблюдательного совета Института гуманитарно-политических исследований Владимир Аверчев, ректор РХГА Дмитрий Богатырёв, историк Константин

Сергей Сергеевич Хоружий
и о. Георгий Кочетков

На конференции многие
стремились ближе познакомиться
с Никитой Владимировичем
Благово

На секции «Куда я вернусь?»

Морозов, ректор СФИ профессор священник Георгий Кочетков, председатель Преображенского братства Дмитрий Гасак, представители музеев – Эрмитажа, Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Музея-заповедника Василия Polenova, руководители благотворительных организаций, священники и церковные деятели.

Иногда эти встречи вызывали у самих участников конференции настоящее потрясение. Потомок князей Мещерских Сергей Самы-

гин рассказывал на посвящённой проблеме русской эмиграции секции «Куда я вернусь?», что за 30 лет, прошедших с его возвращения в Россию, он так и не научился до конца понимать тех, кто живёт в сегодняшней Российской Федерации. А в последний день с изумлением признался нам, что встреченный им здесь Никита Владимирович Благово, хранитель музея школы Карла Мая, по манере разговора и поведения ничем не отличается от русских эмигрантов первой волны, каки-

ми их хорошо помнит сам Сергей Михайлович...

Рассказать о плотно заполненных днях конференции, когда почти каждую минуту хотелось быть в трёх, а то и четырёх разных местах одновременно – задача, непосильная не только для газетчика, но и для романиста. Но мы надеемся, что хотя бы отчасти атмосферу конференции смогут отразить интервью с её участниками, которые мы будем публиковать в течение ближайших месяцев. **КФ**

На секции «Хранители культуры»

На секции «Сохранение и возрождение народа:
Россия в контексте европейского опыта»

Трудная актуальность Солженицына

Интервью с Юрием Михайловичем Кублановским

Беседовали Александра Колымагина и Анастасия Наконечная.

Солженицын несколько раз в жизни возвращался к литературным миниатюрам. В первый раз – в Советском Союзе; потом пробовал писать их на Западе, но не смог (он признавался позже, что там ему «крохотки» не давались); а когда вернулся, вскоре написал целую сюиту таких «крохоток». Это несравненная русская проза. Но хоть они и миниатюрные по объёму, в них тоже надо вникнуть, вчитаться, потому что у Солженицына свой синтаксис, свой словарь, очень богатый и особенный русский язык.

А.И. Солженицын.

Сентябрь 1965 года, вскоре после обыска на квартире друга Солженицына В.Л. Теуша, у которого Александр Исаевич хранил часть своего архива. В ходе обыска были изъяты рукописи стихов, романа «В круге первом», «Крохоток», пьес «Республика труда» и «Пир победителей»

Что из произведений Солженицына Вы посоветовали бы читать сегодня в первую очередь?

Солженицын – писатель необычайно большого масштаба. Крупные его вещи в наше суетное время читать непросто, впрочем, как непросто читать и «Войну и мир» или «Братьев Карамазовых». Такие объёмы текста перестают восприниматься большей частью человечества, хотя это, конечно, не значит, что они теряют в своём значении или качестве.

А знакомиться с Александром Исаевичем я бы посоветовал с его замечательных рассказов, как общеизвестных, таких, как «Случай на станции Кочетовка» и «Матрёнин двор», так и гораздо менее известных, но не менее гениальных. Прежде всего, я имею в виду «Правую кисть» и «Как жаль». В СССР они не публиковались. Я перечитал их на днях и признаюсь, у меня глаза были на мокром месте, это просто чудо. Такой душевной глубины в наши дни в литературе не сыщешь. И ещё – «Крохотки». Он несколько раз в жизни возвращался к литературным

миниатюрам. В первый раз – в Советском Союзе; потом пробовал писать их на Западе, но не смог (он признавался позже, что там ему «крохотки» не давались); а когда вернулся, вскоре написал целую сюиту таких «крохоток». Месяц назад я был возле Калязинской колокольни, потом в Угличе. Вернувшись, перечитал две его «крохотки»: одну как раз об этой колокольне, вторую – «Колокол Углича». Это несравненная русская проза. Но хоть они и миниатюрные по объёму, в них тоже надо вникнуть, вчитаться, потому что у Солженицына свой синтаксис, свой словарь, очень богатый и особенный русский язык. Это чтение (так же как чтение поэзии) требует вживания, требует определённых нравственных и умственных затрат и качеств. Но всё это окупается с лихвой, когда ты эти тексты освоишь, и они побегут у тебя по жилам...

Прослушиванием записи авторского чтения Солженицыным «крохотки» о калязинской колокольне окончилось первое пленарное заседание конференции «Россия между прошлым и будущим». Многие потом ходили призадумавшись, потому что сколько ни перечитывай, всё равно это каждый раз за душу задевает...

Я всю жизнь смолodu читаю Солженицына, перечитывал не однажды многие главы «Красного Колеса», посвящённые Ленину, Столыпину, отречению государя. Всё это моё настольное чтение. И надо прямо сказать, что хотя я читал это четыре, пять раз за жизнь, каждый раз я открываю там всё большую глубину.

Сейчас, накануне юбилея, неизбежно появится множество публикаций, посвящённых Солженицыну, и уже, наверное, появляются. Как Вам кажется, что там может оказаться пропущенным? Что важно не упустить?

Честно сказать, я думаю, пропущенным окажется всё.

Потому что о Солженицыне хотя и говорят немало, как я замечаю, из молодых, из новых журналов его никто не читает. Всё это люди уже нового «клипового» мышления. И публицистику его знают плохо. А то, что читают, понимают лопухом, поверхностно. У Солженицына было очень сложное отношение, скажем, к Великой Отечественной войне и власовскому движению, целиком обусловленному бездарностью военного руководства времён начала войны. У Солженицына своя историософия, очень неходячая, особая, в неё надо хорошенько вникнуть. Я, например, за восемь лет в эмиграции прочитал столько воспоминаний о Великой Отечественной войне, что то, что говорит Солженицын, для меня аксиома. Но это отнюдь не аксиома для тех, кому

ничего кроме советских источников не известно. Так что я думаю, что солженицынские юбилейные торжества скорее будут носить внешний ритуальный характер. Правда и в Москве, и в провинции есть серьёзные историки и филологи, которые занимаются Солженицыным всерьёз и от сердца. Но это капля в море болтологии, часто, кстати, ядовитой, несправедливой и клеветнической.

В исследованиях, посвящённых творчеству Солженицына, бывают удивительные откровения. «Кифа» в своё время опубликовала именно такую, удивительную статью Ольги Александровны Седаковой о рассказе «Случай на станции Кочетовка» (в «Новом мире» в названии, помнится, стояло «Кречетовка»)...

А Вы понимаете, почему переменялось название? Кочетовка – такая станция действительно существует. Это крупный железнодорожный узел недалеко от Мичуринска, в прошлом Козлова. Там в местном гордрамтеатре планировали спектакль по этому рассказу, и Солженицын предложил мне написать инсценировку... Впрочем, проект не состоялся, в криминальную революцию, конечно, было не до него. Перемена названия обусловлена вот чем. В ту пору шла настоящая схватка бульдогов под ковром: либеральный «Новый мир» из последних сил сопротивлялся густопсовому «Октябрю», редактором которого был соцреалистический писакa Всеволод Кочетов. Вот и попросили Солженицына переименовать рассказ, чтобы зря не дразнить гусей.

Вы говорили, что публицистика Солженицына во многом так и остаётся не понятой. Во время прошлого интервью мы вспоминали «Россию в обвале». В этот раз хотелось бы вспомнить статью, которую многие критикуют как утопическую – «Как нам обустроить Россию». Она написана ещё до возвращения, ещё до того, как Солженицын проехал с Дальнего Востока через всю страну...

Да-да, она была написана ещё в Вермонте на рубеже 1989 и 1990 года.

Если сегодня внимательно в неё вчитаться, видно, что даже несмотря на то, что это написано на расстоянии, там всё, кроме, может быть, надежды на то, что Россия, Украина и Белоруссия останутся вместе, выглядит как вполне реальная практическая программа, к которой ещё возвращаться и возвращаться...

Это политическое эссе, особенно в своей последней части, чрезвычайно актуально. Но его, на мой взгляд, просчёт в том, что давно не общаясь напрямую с соотечественниками, Солженицын решил

Лейтенант Солженицын (слева)
с командиром артдивизиона

В лагере на Калужской
заставе. 1946 г.

В ссылке в Кок-Тереке.
1955 г.

объять необъятное и сразу сказать всё обо всём. Ну и перегрузил эту вещь, советскому сознанию она была не под силу. Та же история со Второй мировой войной, возможно, была лишней в такой трактовке...

Может быть, в этом просчёт этой статьи, но в целом, конечно, она сохраняет свою актуальность и сейчас, так же как и «Россия в обвале». Ведь Солженицын перелопатил многих, даже малоизвестных, эмигрантских социологов, философов, сделал из них выжимку и, основываясь на размышлениях лучших людей России, дал буквально проект, как надо возрождать родину. Это, с одной стороны, очень практичные общественные руководства. С другой стороны, тут у нас в те годы была такая трясина, что в ней увязало любое, даже самое дельное и здоровое слово. Но это, разумеется, намного глубже, чем всё, что писалось тогда многочисленными публицистами, как либеральными, так и просоветскими...

Когда Солженицын в «Как нам обустроить Россию» говорит о необходимости полного ухода коммунистической партии от управления «даже какой-то отраслью нашей жизни или местности», он добавляет: «Хотелось бы, чтобы это произошло не силовым вышибанием и выжиманием, но её собственным публичным раскаянием, что цепью преступлений, жестокости и бессмыслия она завела страну в пропасть и не знает путей выхода». И вот этого раскаяния, признания того, чем был советский период для России, так и не произошло. Более того, сейчас пытаются вновь реабилитировать деятельность компартии в этот период, опять всё это возносится чуть ли не на пьедестал...

На Солженицына произвели такое тягостное, страшное впечатление 1990-е годы и та олигархическая хунта, которая тогда правила бал в России, что

он уже и короткий период, когда к власти пришёл Примаков и коммунист Маслюков, воспринимал как что-то внушающее надежду, это я знаю точно. Он не то что переменял своё отношение к коммунизму, но просто стал смотреть как прагматик: кто может что-то сделать в данный момент кроме разворовывания, то и хорошо. Недаром на Ельцина олигархи оказали такой нажим, что российская власть вернулась в прежнее своё состояние, а Примаков опять ушёл в тень...

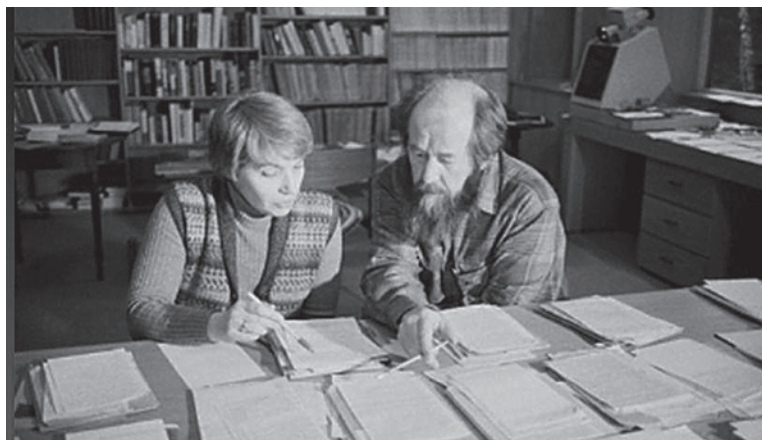
В своей статье он это отчасти предвидел, когда говорил: «Государственное устройство второстепенней самого воздуха человеческих отношений. При людском благородстве допустим любой добропорядочный строй, при людском озлоблении и шкурничестве невыносимы самые разливистые демократии. Если в самих людях нет справедливости и честности, то это проявится при любом строе». Увы, сбылось то, о чём он предупреждал, говоря, что при отсутствии внутренних нравственных ограничений «среди всех возможных свобод — на первое место всё равно выйдет свобода бессовестности».

Да, это то, о чём говорит Достоевский в «Бесах», герои которого планировали дать народу (и дали!) «право на бесчестье».

Ведь для чего Солженицын, или такие люди, как я, хотели ликвидации коммунистического режима? В первую очередь ради морального христианского возрождения отечества. А вместо этого получили беспредел похлеще, чем во время застоя. И хотя монастыри и храмы возрождались по всей России, полного опаматования так и не произошло.

Оно и не могло произойти без покаяния... Ведь «право на бесчестье» действительно было дано ещё большевиками и принято народом в

Солженицын писатель необычайно большого масштаба. Крупные его вещи в наше суетное время читать непросто, впрочем, как непросто читать и «Войну и мир» или «Братьев Карамазовых». Такие объёмы текста перестают восприниматься большей частью человечества, хотя это, конечно, не значит, что они теряют в своём значении или качестве.

Работая над «Красным Колесом», Солженицын вместе с супругой Наталией Дмитриевной просмотрел огромный массив архивных документов, проверяя каждый факт по трём независимым источникам

1917 году, и нравственное одичание конца века лишь результат того разрушения, которое происходило в течение всего столетия.

Это само собой! Но и при советской власти после десятилетий террора всё-таки выработались какие-то скрепы, как общественные, так и производственные, и культурные. А 1990-е годы – время анархии и народной незащищённости...

Видимо, в самих людях в течение XX века сохранялась какая-то инерция предшествующих веков христианства, но к концу столетия эта инерция почти сошла на нет.

И это понятно: страшные потери в живой силе, отрицательный отбор, демографические потери. Щупальцы госбезопасности проникли – это ни для кого не секрет – и в церковную ограду. Редкий староста не был связан с органами. Шла массовая вербовка среди священнослужителей... Я ведь сам после того, как написал письмо в поддержку Солженицына в 1975 году¹, работал до 1982 года² в церкви сторожем, дворником, истопником, поэтому видел всю изнанку церковного бытия.

Да, у того, что диагностируется как антропологическая катастрофа, было множество причин. И всё это отразилось и в том, что Солженицын так ярко описал в «России в обвале»...

К сожалению, действительность не дарила ему подарков на старости лет. Ведь у него всё-таки были определенные иллюзии и в отношении Соединённых Штатов Америки и западной цивилизации в целом. Вначале он рассматривал Запад, при всех «но», всё-таки как своего союзника. Да, он видел изъяны потребительской цивилизации, но в целом, скажем, во времена Рейгана Америка для него была союзницей. И только на старости лет он понял, что это не только не союзники, но те, кто подталкивает нас на тяжёлый разрыв с Украиной, кто окружает Россию со всех сторон. Когда же Запад дошёл до бомбежек Югославии, для Александра Исаевича, так же как и для всех нас, это был, конечно, холодный душ. Я помню, как все мы переживали в 1968 году то, что танки идут по брусчатке Праги. Но даже с этим невозможно сравнить бомбёжки цивилизованного государства в Европе без всякой санкции ООН... Реальность оказалась намного мрачнее, чем он предполагал и живя в СССР, и живя в Вермонте. И в то же время он предрекал ещё в сборнике «Изпод глыб»³ возможность военного столкновения России с Украиной! Он, конечно, был провидец. И в нём было смешано, как в каждом из нас, упование и пессимизм.

И в чём было прежде всего его упование?
Он проехал в 1994 году от Владивостока до

¹ В декабре 1974 года Ю.М. Кублановский выступил в самиздате с открытым письмом «Ко всем нам», приуроченным к двухлетию высылки Александра Солженицына. Письмо было опубликовано на Западе. С тех пор поэт был лишен возможности работать по профессии и мог только подрабатывать истопником, или сторожем, или дворником в разных храмах Москвы.

² 19 января 1982 года в квартире Ю.М. Кублановского был проведён многочасовой обыск, после чего ему было предложено покинуть СССР под угрозой лагерного срока за зарубежные

публикации. 3 октября 1982 он эмигрировал, жил в Париже, с 1986 года – в Мюнхене.

³ Сборник статей живших в СССР авторов (два из которых использовали псевдонимы – «А. Б.» и «Ф. Корсаков») о настоящем и о возможном будущем России. Впервые опубликован издательством ИМКА-Пресс в Париже на русском языке в 1974 г., в СССР нелегально распространялся в Самиздате. В 1975 году сборник был переведен на европейские языки и издан во Франции, США, Англии и Западной Германии.

Он проехал в 1994 году от Владивостока до Москвы и на встречах залы были полны. Люди на встречи с ним приходили глубокие, вопросы задавали дельные, и поэтому писатель надеялся на самоуправление, на то, что русская провинция начнёт даже вне зависимости от Москвы возрождаться, что эта Россия начнет отстраивать что-то своё, отчасти, может быть, заимствуя из опыта земства, отчасти на новых началах самоуправления.

Возвращение в Россию. 1994 г.

Москвы и на встречах залы были полны. Люди на встречи с ним приходили глубокие, вопросы задавали дельные, и поэтому писатель надеялся на самоуправление, на то, что русская провинция начнёт даже вне зависимости от Москвы возрождаться. Ведь в чём, как говорят, главная беда Москвы? В том, что она со всех сторон окружена Россией. (Улыбается.) И он надеялся, что эта Россия начнёт возрождаться и отстраивать что-то своё, отчасти, может быть, заимствуя из опыта земства, отчасти на новых началах самоуправления. Но он не понимал и, конечно, не мог тогда понять, что вся провинция оказалась просто в руках бандитов.

Наталья Дмитриевна Солженицына говорила во время встречи с нашим братством, что и сейчас настоящему самоуправлению везде ставятся препоны.

На местах сидят бюрократы, они не хотят ни с кем делиться властью. Это понятно.

На что же тогда надеяться?

Мы же христиане, мы просто по определению не можем жить без надежды. Трудно её сформулировать, так сказать, эмпирически, она просто жива в нас. Солженицын всегда говорил, что Россия падала в коммунистическую бездну семьдесят лет, а возрождаться будет сто. Сейчас прошло только тридцать. И нельзя сказать, что ничего не сделано. Если взять современную Россию и сравнить её с Россией, скажем, 1980 года, это всё-таки небо и земля. По цивилизованности, по уличной чистоте, да даже и по достатку. Так что всё идет своим чередом. Постепенная эволюция происходит. Дай Бог, чтобы её не сорвали.

Но одновременно происходит реабилитация советизма и даже сталинизма.

Я перестал ходить на телевидение именно из-за того, что спорить с советчиками и сталинистами мне не о чем. Всё уже сказано. А молчать – это просто унижительно, глупо и недостойно. И я просто отстранился. Но я не считаю, что современная мода на оправдание преступлений режима – это какой-то глубокий кровожадный сталинизм. Она скорее идет от эпатажа, от незнания советской жизни да и определенного бездушия. Любой из нынешних «советчиков», «сталинистов», проживи он хоть две недели при советской власти где-нибудь в конце 1970-х годов, на четвереньках поползёт в наши дни. Мне не кажется, что возможно возрождение какой-то кровавой диктатуры. Но даже и на словесном, публицистическом уровне это отвратительно.

Как Вам вспоминаются через годы, через десятилетия Ваши встречи с Александром Исаевичем?

Мне памятна каждая наша встреча. Такой человек, как он, наделяет собеседника энергетикой, которая потом не проходит. Впервые мы увиделись в 1986 году, через три года после моего приезда на Запад. Я провёл у него несколько дней. Это были незабываемые встречи, и неслучайно спустя уже много лет я написал стихотворение «Воспоминание о Вермонте» (2007). Там действительно была осень, но не такая, как у нас. Там листья не становились интенсивно золотыми, как в России, а зелёное сразу переходило в ржавь и пожухлость. Я говорю: «Как красиво у вас здесь!» А он ответил: «Ну, это всё-таки не рязанская осень, согласитесь»... Моё стихотворение как раз об этом.

Встречи с ним, его существование, его проза, его публицистика – это одно из главных событий в моей жизни. Он указал мне мировоззренческий и культурный вектор, и его литература мне очень до-

Дом Солженицына в Вермонте

рога, хотя я, конечно, люблю и Булгакова, и Платонова, и Бунина. Но они исчерпаемей, чем он.

Он был уверен, он мне говорил: «Вот как падёт коммунизм в России, и потекут, потекут мои книги». Но он, во-первых, не мог себе представить технотронной революции (а кто тогда мог её представить в таком виде?). А во-вторых, трудно было ожидать, что такие объёмы информации и художественности смогут вполне усваиваться в такие тревожные, неспокойные времена. К сожалению, объём его эпопеи, как я уже говорил, не соответствует сегодня читательским возможностям.

Когда я беседовал с ним в Вермонте, он мне сказал (и это было для меня самой большой новостью): «Вы знаете, Юрий Михайлович, сейчас я досматриваю, как-то дотягиваю “Апрель 1917-го” и на этом решил остановиться». Я прямо подскочил: «Как же? Вы же хотели чуть ли не до Великой Отечественной войны дойти». Он говорит: «Я понял, я разгадал Кашеев ларчик – что такое русская революция. Потерял интерес и устал воскрешать».

Он сам уже понял, что даже при его долгом дыхании это всё-таки невозможная задача.

Что самое главное Вы храните в памяти сейчас, что помогает Вам надеяться на то, что действительно через 100 лет возродится Россия?

Верить в слово Солженицына мне помогает то, что на моем личном опыте он действительно оказался пророком. После моей высылки в 1982 году он написал мне в Вену, что я вернусь в Россию через восемь лет. Тогда только-только пришёл к власти Андропов. Когда я это его письмо показывал старым эмигрантам, они смеялись и говорили: «Исаич там у себя в вермонтских лесах сошёл с ума. Мы по тридцать лет на чемоданах сидим. Руководитель КГБ пришёл к власти, какое возвращение?» Но ровно через восемь лет я вернулся.

Так что вполне возможно, что через сто лет Россия возродится и это окажется точным пророчеством. Честно скажу, не на все сто процентов, но процентов на тридцать я в это верю... **КФ**

Там действительно была осень, но не такая, как у нас. Там листья не становились интенсивно золотыми, как в России, а зелёное сразу переходило в ржавь и пожухлость. Я говорю: «Как красиво у вас здесь!» А он ответил: «Ну, это всё-таки не рязанская осень, согласитесь»... Моё стихотворение как раз об этом.

Ю.М. Кублановский

Воспоминание о Вермонте

Отрешусь и слышу:
 листья, осыпаясь, шуршат о крышу,
 вижу в сером своём окне
 разнонаправленный их полёт, зане
 потоки воздуха не пускают лететь отвесно.
 Всё окрест становится бестелесно.
 В Штатах с их наивным прозелитизмом
 уступает нашей своим лиризмом
 осень – правда, держит на ветках крону
 дольше, но и грубей по тону.
 Там не те оттенки, не то движенье,
 не настолько жертвенно поражение.
 ...Скоро четверть века, как я в Вермонте
 гостевал, что кенарь на русском фронте,
 и бродил в туманце по мёрзлым тропам,
 а с борозд вороны срывались скопом.
 Возле дома, глядя на лес окрестный,
 золотистый, но и немного пресный,
 на него мне сетовал тот, чьё слово –
 колос, а у других – полова.

Мы трудимся для того, чтобы жизнь в христианской свободе была в церкви узнана и признана своей

Интервью с ректором Свято-Филаретовского института
профессором священником Георгием Кочетковым

*Беседовали Александра Колымагина и Анастасия Наконечная.
Фото: Александр Волков, Александр Буров, Максим Соболев*

*Мы стремимся жить
в традиции и в то же время
в творческом напряжении на
всех уровнях, от богословского
колледжа до бакалавриата
и магистратуры.*

Отец Георгий, полгода назад Вы нам рассказывали о том, как зарождался институт. Вы хотели соединить лучшее из того, что есть в светской и церковной системах образования. И теперь, когда в каком-то смысле настало время итогов, мы хотели спросить: достигнута ли, на

Ваш взгляд, цель, которую Вы ставили? И что, может быть, не вполне получилось?

Насчёт цели говорить трудно – она и достигнута, и не достигнута одновременно. Но я думаю, так будет всегда, такова наша жизнь.

Мы достигли тех целей, которые ставили, потому что наш

институт открывает широкую возможность получения богословского, подлинно духовного христианского образования всем православным христианам, прежде всего мирянам (хотя могут обучаться у нас и клирики). При каких-то особых обстоятельствах мы можем давать такое же образование

Сотрудники и преподаватели СФИ участвовали с самого начала 2000-х годов в международных богословских конференциях Русской православной церкви, которые организовывала Синодальная богословская комиссия. Уже не первое десятилетие институт участвует в Рождественских чтениях не только через доклады отдельных преподавателей и студентов, но и как соучредитель круглого стола совместно с Синодальным Миссионерским отделом.

Профессор Давид Гзгзян, зав. кафедрой Священного писания и библейских дисциплин СФИ Лариса Мусина и президент Всемирной конференции ассоциаций богословских институтов профессор Петрос Василиадис на Международной конференции Русской православной церкви «Эсхатологическое учение Церкви». 2005 г.

и христианам неправославным, если они ориентированы на католическую традицию, стремятся к полноте веры и не замыкаются сектантски только на себе – то есть делают то, что и мы стараемся делать, живя верой во Христа, Святого Духа и Отца Небесного. Мы стремимся жить в традиции и в то же время в творческом напряжении. Это очень важно. Мы это делаем на всех уровнях, от богословского колледжа до бакалавриата и магистратуры. У нас нет аспирантуры, но мы к этому пока не очень стремимся, тем более что многие из наших выпускников сейчас учатся в Общецерковной аспирантуре и докторантуре, за что мы ей благодарны. Ведь тем, кто хочет специализироваться, быть профессионалами высшего класса, конечно, нужно не только окончить бакалавриат и магистратуру, но и получить учёную степень.

Не достигли же мы своих целей потому, что всё-таки видим: есть какое-то предубеждение

против тех свободных форм христианской жизни, которые мы практикуем. Как ни странно, многие в церкви до сих пор не любят свободу, не признают духа любви, открытости и доверия. Это нас, конечно, огорчает, но мы понимаем, где корни этого. Мы строим свои концепции преподавания с христианских позиций, даже когда речь идёт о вполне научных светских дисциплинах, таких как религиоведение. Но при этом мы базируемся на убеждении, что константиновский период церковной истории закончился. И это, конечно, вступает в некое противоречие с реальностью церковной жизни, потому что в церкви это совершенно не осознано, и эти вопросы пока совсем не поднимаются.

Мы не достигли ещё полного единства и взаимопонимания с церковным управлением. И со светским, надо сказать, тоже. Это не то что плохо, но это и не то что хорошо. Хотелось бы, чтобы у института была более тесная связь с внутренней жизнью

церкви, и мы делаем для этого очень много, но достаточно часто сталкиваемся в ответ с некой невосприимчивостью. И это зависит не от качества нашего образования – оно всеми признаётся как самое высокое; но это связано именно с тем разногласием в общецерковно-политическом, общественно-политическом, культурно-политическом контексте, о котором я уже говорил. Мы не по своей вине находимся отчасти в некоторой искусственной изоляции. У нас пока фактически не признают возможность свободных форм образования и существования в церкви общинных, братских форм жизни. Всё это вызывает у людей недоумение, вопросы, но они их, к сожалению, не задают, а действуют административными методами, ограничивая нас везде, где только можно, в том числе в информационной сфере. Это касается и нашего братства, и нашего института. И это, конечно, печально, потому что церковь могла бы значительно

Круглый стол «Миссионерское богослужение» в рамках XXVI Рождественских чтений. 25 января 2018 г.
Уже традиционно организаторами круглого стола выступили Синодальный миссионерский отдел и
Свято-Филаретовский институт

укрепить свои позиции внутри страны, если бы она поступала иначе. То же самое можно сказать о системе образования, которая обычно носит не просто консервативный, а некий архаический оттенок. И, конечно, нам это тоже жаль, потому что мы видим, что наша практика куда более плодотворна. Поэтому мы и хотели бы найти такие формы сотрудничества и соработничества, которые бы помогли всем нам освободиться от пережитков прошлого, от архаики в церковной жизни и в церковной системе образования и воспитания.

Несмотря на те сложности, которые Вы упомянули, СФИ занимает в современной церковно-общественной жизни немалое место. Например, его сотрудники и преподаватели участвовали с самого начала 2000-х годов в международных богословских конференциях Русской православной церкви, которые организовывала Синодаль-

ная богословская комиссия. Уже не первое десятилетие институт участвует в Рождественских чтениях, причём в последнее время не только через доклады отдельных преподавателей и студентов, но и как соучредитель круглого стола совместно с Синодальным Миссионерским отделом. Он участвует во множестве других конференций, как научно-богословских, так и церковно-общественных, и сам собирает многочисленные научные конференции, достаточно представительные и качественные.

На чём при этом делается акцент, в чём своеобразие Свято-Филаретовского института? Часто говорят, что оно в акценте на миссии и катехизации, но может быть, не только в этом?

Да, конечно, сейчас мы уже вышли далеко за рамки только задач подготовки миссионеров, катехизаторов или личной под-

готовки того или иного студента к полноте его церковной жизни.

Институт занимает достаточно сильные позиции в разного рода диалогах. В своих исследованиях мы не боимся поднимать самые острые и трудные вопросы, и это очень важно. Мы идём здесь вперёд, может быть, потому, что у нас больше свободы, чем у других, и это касается, в частности, экклезиологических проблем, которые, к сожалению, поднимаются в нашей церкви довольно частично и поверхностно, без ясного видения прошлого, настоящего и будущего. Мы хотели бы здесь помогать другим и сами, конечно, продолжать совершенствоваться и учиться. Это же касается и истории, особенно истории Русской церкви XX века, и в целом истории России XX века. Мы здесь очень тесно сотрудничаем с Преображенским братством и многие вещи обсуждаем вместе. Конечно, нас по-прежнему очень интересуют и литургические проблемы – то, как, какими путями должно

Декан Гуситского богословского факультета Карлова университета доктор Камила Веверкова и ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института профессор священник Георгий Кочетков.
Прага, июль 2018 г.

Ректор, преподаватели и студенты СФИ на встрече с профессором Яном Лашеком и деканом доктором Камиллой Веверковой. Гуситский богословский факультет Карлова университета.
Прага, июль 2018 г.

идти развитие православного богослужения, базируясь на строгой православной традиции без всякого обновленчества, но в перспективе того духовного обновления, которое совершает Сам Дух Святой в Своей Церкви.

И, конечно, нас интересуют философские проблемы, так же как и проблемы изучения Библии. И хотя мы в эту сферу, может быть, меньше вкладываем сил, но всё же и здесь стараемся что-то неординарное делать.

Вообще очень важно то, что мы именно стараемся видеть эти горячие точки, и даже иногда очень горячие. Уже давно это пошло дальше вопросов употребления современного русского языка в богослужении, вопросов проповеди. У нас много таких вопросов, которые касаются общинного, братского устройства церкви, поддержания духа любви и свободы в церковной жизни и через собрания, и через братские трапезы-агапы, и через разного рода общение. Здесь нам

очень помогает опыт жизни в братстве, который является как бы практическим приложением к нашим теоретическим разработкам. Очень важно, что одно другое поддерживает. Так было и вначале, и кажется, мы об этом уже писали и говорили с вами. Но это особенно важно сейчас. Тем более, что сейчас, в связи с конфликтом на Украине и с Константинопольским патриархатом, очень остро ставятся эклезиологические проблемы. И поэтому очень важен тот вклад, который может внести наш институт. Что-то уже воспринимается церковным народом и церковным руководством, что-то, может быть, пока не очень слышится и воспринимается. Но это нормальный процесс, он тоже, наверное, будет идти всегда.

В каком направлении институт планирует идти дальше?

Мы вышли сейчас на мировую арену и сотрудничаем с

разными вузами за границей. У нас есть договор с университетом Сибиу, мы сотрудничаем с богословским факультетом католического университета в Милане в Италии, Карловым университетом в Праге, с учёными монастыря Бозе и другими учёными. Конечно, нужно будет налаживать дальнейшие пути такого сотрудничества в нашей стране и за рубежом в научной, богословской, философской, церковной сферах.

Мы будем налаживать плодотворные взаимоотношения и с общественными, и с государственными структурами, которые подчас относятся к нам достаточно предвзято. Порой мы видим, что при прочих равных даются какие-то разрешения, «открывают зелёный свет» для других, а нам в подобных же случаях открывается свет красный, это действительно печально. Но мы всё-таки надеемся, что благоразумие, объективность и честность восторжествуют. **КФ**

Всякое слово, сказанное в аудиториях, так или иначе испытывается в жизни

Интервью с первым проректором Свято-Филаретовского института Дмитрием Гасаком

*Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная.
Фото: Максим Соболев, Андрей Васенёв и Александр Волков*

Главным итогом 30 лет работы, собственно, является сама наша школа. Тут не грех вспомнить старый церковный принцип: что в церкви существует 30 лет, то уже становится традицией.

Юбилей – это всегда и время подведения итогов, и время размышлений о будущем.

Каковы главные итоги этого 30-летия? И в каких направлениях в первую очередь будут прилагаться усилия в ближайшие годы?

Говоря об итогах этих 30 лет, нельзя не сказать о том, что СФИ – не отдельное учебное заведение, существующее как бы само по себе. Институт поддерживается церковным движением – Преображенским братством, которое, разумеется, влияет на жизнь института. Братство в большой мере является живой средой, в которой институт

существует. Речь идет о духовной, интеллектуальной, моральной, дружеской поддержке, и о материальной конечно. Во многом благодаря братству Институт имеет живую связь с церковной жизнью. Всякое слово, сказанное в аудиториях, имеет возможность быть испытанным в жизни и испытывается. Думаю, что для христианского образования и воспитания это принципиально важно. Как раз в отсутствии такой живой среды у богословских вузов, я считаю, главная проблема развития православного теологического образования в России.

Что ещё можно сказать? Главным итогом 30 лет работы, собственно, является сама наша школа. Тут не грех вспомнить старый церковный

XXV богословский симпозиум по православной духовности
В Бозе. Свято-Филаретовский институт на конференции
представляют первый проректор и студенты. Сентябрь 2017 г.

На открытии 30-го учебного года в СФИ.
Сентябрь 2017 г.

принцип: что в церкви существует 30 лет, то уже становится традицией, каноном. И сегодня можно уверенно сказать, что СФИ существует как школа – это, как я уже говорил, не просто реализуемая учебная программа, а школа, связанная и испытанная жизнью, проверенная опытом во всех своих частях, начиная с общегуманитарных предметов, таких как языкознание, отечественная и зарубежная история, философия и заканчивая, собственно, богословскими предметами: догматикой, сакраментологией, экклезиологией и даже мистикой.

Сегодня можно сказать, что школа создана, и можно говорить о традиции или о предании школы. Это чрезвычайно важно. Ведь это то, что было прервано в России революцией и существовало только на Западе, в эмиграции, в отрыве от церковной жизни в России. Слава Богу, что русская традиция богословия и христианского научения хранилась и развивалась, прежде всего, в Свято-Сергиевском институте в Париже или в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке. Но теперь это существует в России. Уже несколько лет назад об этом говорил в стенах СФИ Никита Струве.

Стоит сказать и о том, что Свято-Филаретовский институт существует ещё и как продолжение научения взрослых основам христианской жизни и веры. Он связан с традицией катехизации. И это я считаю принципиально важным. Иногда в этом

мы находим (хотя об этом даже боязно подумать) ассоциации с традициями школ катехетов первых веков христианской истории. Традиция должна не только сохраняться, но и развиваться. Она всё время обновляется и создаётся и ныне живущими поколениями. Ведь церковь – это не музей и не академия, как сказал один из славянофилов. Церковь – это живой организм. И мне кажется, наш институт не только воспринял, но и испытал это своей жизнью.

Как известно, наш институт создан свящ. Георгием Кочетковым, который является и его ректором, создан действительно снизу и существует как явление свободное, без какой бы то ни было внешней – административной или иной – поддержки. Такое существование, как Вы понимаете, связано с чрезвычайными трудностями. Но для возрождающейся Русской церкви этот опыт первородной жизни без всяких структурных лесов и подпорок трудно переоценить. Это большая ценность, это свидетельствует о том, что в церковном народе, и вообще в нашем народе есть силы и нужно только дать возможность этому расти. Так что я думаю, что наш институт – это замечательный пример церковного возрождения.

Что касается дальнейшего развития школы, то у нас нет целей политического свойства, мы стараемся ориентироваться на требования жизни. Мы, конечно, планируем развивать богословскую

В Свято-Филаретовском институте в течение нескольких лет проходят встречи конференции «Физика и богословие», которую её участники называют «Физики и клирики». Среди постоянных участников этих встреч – член Попечительского совета СФИ, один из ведущих физиков-теоретиков академик Алексей Александрович Старобинский. Январь 2016 г.

магистратуру, прежде всего специализацию «Проблемы современной теологии и катехетики». Ведь хотя катехетика и декларируется как необходимая сфера церковного знания и практики, проблем по-прежнему много. На сегодняшний день полноценной катехизации, соответствующей требованиям времени, в церкви у нас практически нет. Стыдно сказать, но мы не умеем учить людей вере, хранить и передавать духовную традицию, а времени у нас очень мало.

Также жизненно важной является программа «История Русской православной церкви в XX веке». Что такое Русская церковь в минувшем столетии мы до конца не знаем, история нашей церкви в этот важнейший период не собрана. Трагичная, многообразная, а подчас расколотая жизнь церкви в минувшее столетие требует осознания как целое. Что такое Русская православная церковь как целое? Что это за феномен в христианской истории XX века? Церковным сознанием это ещё не понято. Думаю, что нам ещё предстоит это понять и найти ответы на вызовы нынешнего времени, в частности, преодолеть стереотипы константиновского периода церковной истории. К сожалению, пока мы не можем отойти от этих стереотипов и найти образ жизни Церкви, адекватный нынешнему времени, нынешнему положению Церкви в обществе, нынешнему этапу культурного развития и т. д.

Конечно, мы надеемся и на развитие направ-

лений, связанных с богословским образованием косвенно, но тоже очень востребованных. Я имею в виду Отделение социальной работы, которое мы открыли в этом году. Кажется настало время для христианского ответа на социальные вызовы в нашей стране, выражающего христианское отношение к человеку, к обществу, к миру, к природе, к государству, наконец. Мне кажется, это очень большая задача и это поле непаханое.

Ну и, наконец, мы надеемся на развитие отношений с другими университетами. Последние тридцать лет богословское образование в России развивалось и развивается. Создано несколько школ. Помимо образовательной системы, рассчитанной на подготовку священнослужителей, родилось ещё несколько богословских школ на светских площадках, что чрезвычайно ценно для церкви. Как кажется, какой-то период накопления опыта и становления школ, когда каждый тратил силы в основном на себя, прошёл, и мы думаем, настало время для взаимодействия богословских вузов и кафедр. Нелучайно сейчас идет дискуссия о том, какой быть теологии в России, и нужно сказать, что на сегодня единого мнения по этому вопросу нет. Его и быть сейчас не может. Для достижения единства нужна большая общая работа. Сейчас не время «давить авторитетом» и заниматься саморекламой, а время сотрудничества, обмена мыслями и опытом, который был накоплен за эти тридцать лет. **КФ**

Братский помянник

2 декабря был расстрелян член братства епископа Макария (Опоцкого) Иван Кириллович Пикин (1891–1937).

Живя в Череповце, Иван Кириллович познакомился с епископом Макарием и вступил в основанное им братство. Когда владыка переехал в Новгород, Иван Кириллович оставил колхозу свой дом и крепкое хозяйство и переехал в Новгород вместе с тремя дочерьми, которые хранили дух братской жизни до конца своих дней. В сохранившемся письме владыки Макария к Ивану Кирилловичу есть такие слова: «Ты записан в книгу жизни... Горю имеешь своё сердце! Твоя главная дума — это Христос, Его правда, Его дух — жизнь, Его святое дело чад Божиих рассеянных собрать воедино. Твоё святое желание достичь меры возраста полноты Христовой. Ради сего ты хочешь получить и молишься о том, чтоб стяжать Духа Свята и силу Его».

В декабре 1937 года вместе с Иваном Пикиным были расстреляны ещё три члена братства: Пётр Алексеевич Беляев (1893–1937), Василий Александрович Козлов (1899–1937), Мария Николаевна Александрова (1892–1937).

3 декабря в возрасте 40 лет был расстрелян в Сандармохе священник Анатолий Жураковский (1897–1937).

В девятнадцатилетнем возрасте он написал до сих пор актуальную работу «Евхаристический канон теперь и прежде». В 25 — стал настоятелем небольшого киевского храма, при котором собралась община верующих. Она стала «большой, особой попыткой по-новому, по-небылому устроить не какой-то уголок в жизни, не какое-то “дело”, но устроить самую жизнь во всём многообразии её проявлений» (из письма, написанного о. Анатолием в 1923 г. из ссылки).

В одной из своих последних проповедей, сказанных в день всех святых, в земле российской просиявших, он говорил: «Как далеко от нас это слово — надежда! Суровая безнадёжность и холодное отчаяние готовы завладеть душой. Кажется, что землю, о которой сказал поэт и мыслитель, что её “в рабском виде Царь Небесный исходил благословляя”, Он оставил и ушёл, гонимый ненавистью и холодным равнодушием. Кажется, что и народ наш, который называли богоносцем, стал богоборцем, стал отверженным народом,

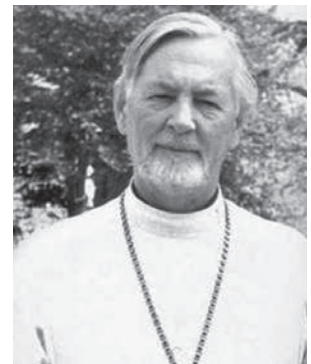
потому что сам отверг святыню Церкви Божией. В эти дни скорбей, когда среди величайших обстоятельств, безнадёжности проходит сегодняшнее торжество, когда поругано усталое, изнемогающее сердце, в душе загорается надежда, вера, и вместо беспросветной скорби, уныния хлынет радость. Ведь сколько было угодников, рождённых народом, плоть от плоти его, кость от кости. Там, у Престола Невечереющего Света, у Престола Царя Небесного, помолитесь о каждом из нас, таких грешных, помолитесь о родной земле, о Церкви, о настоящем, о будущем помолитесь и молитвой отворите нашу печаль, чтобы приобщить нас великой радости в день Суда: стать и поклониться Богу Великому, Богу отцов наших, Его же слава и держава во веки. Аминь».

4 декабря отошёл ко Господу протопресвитер Николай Афанасьев (1893–1966).

На основании Евангелия и других раннехристианских текстов он реконструировал нормы церковной жизни, пытаясь прорваться сквозь вековые наслоения и искажения к первородному

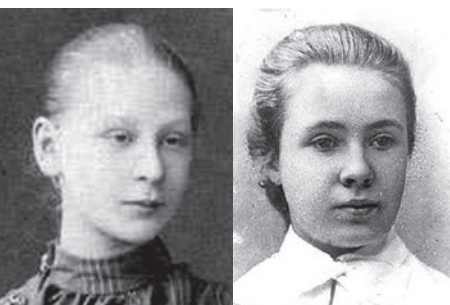
духовному опыту церкви как евхаристической общины. Интуиция отца Николая придала мощнейший импульс духовному обновлению в православии, став альтернативой господствовавшей универсальной эклезиологии, делавшей акцент на внешней иерархической структуре церкви. Значению евхаристической эклезиологии отца Николая Афанасьева и решению новых проблем, которые она ставит в отношении эмпирической жизни церкви, была посвящена международная научно-богословская конференция Свято-Филаретовского института, прошедшая в мае 2017 года.

13 декабря отошёл ко Господу протопресвитер Александр Шмеман (1921–1983).

Будучи деканом и профессором литургического богословия Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, отец Александр был деятельным популяризатором идеи евхаристической эклезиологии, посвятив ей множество книг и выступлений. Во многом благодаря ему в православной церкви начался возврат к христианской норме еженедельного причащения. Вышедший через 25 лет после его кончины дневник пролил новый свет на его представ-

ление о том, насколько часто далека реальная церковная жизнь от тех задач, которые ставит перед верующими евхаристическая экклезиология. Недавно почивший архимандрит Роберт Тафт говорил: «Отец Александр был харизматичный и очень красивый человек, очень выразительный. Резонанс, который по сей день вызывают его немногочисленные работы, я назвал бы “феноменом Шмемана”. В наши дни практически невозможно услышать лекцию о Литургии или о современной жизни без единой цитаты из Шмемана. Ему действительно нет равных в этом отношении».

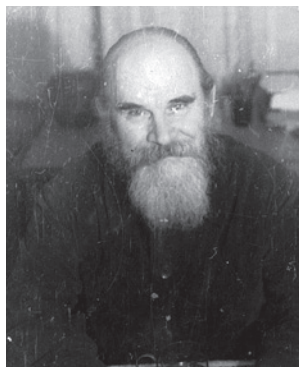

17 декабря 1937 года по одному фальсифицированному делу были расстреляны две сестры из ленинградского Александро-Невского братства – Екатерина Андреевна Арская (1875–1937) и Кира Ивановна Оболенская (1889–1937).

Сёстры были разного происхождения: Екатерина Арская из купеческого сословия, Кира Оболенская – княжна. Обе получили высшее образование в Петербурге. В первые годы после октябрьского переворота Екатерина Арская потеряла любимого мужа и пятерых детей, умерших в результате холеры и дизентерии. В братство они пришли, по всей видимости, примерно в одно время и стали деятельными его членами. Духовным отцом Екатерины стал архим. Лев (Егоров), а Киры – архим. Варлаам (Сацердотский), руководитель братства. Екатерина была

членом приходского совета одного из братских храмов – Феодоровского собора на Миргородской улице – и проживала в тайной общине сестёр из Александро-Невского братства на Конной улице. За активную церковную жизнь они обе пережили заключение в советском лагере и встретились в 1936 году в Боровичах. Через год были арестованы по делу «контрреволюционной организации церковников» и вскоре расстреляны, не дав никаких признательных показаний.

В 2003 году обе сестры были причислены к лику святых.

18 декабря отошёл ко Господу протоиерей Василий Евдокимов (1903–1990) – член маросейской общины, рукоположенный еп. Ермогеном (Голубевым) в 1954 году.

Первый арест Василий Евдокимов пережил в знаменитую ночь на 29 октября 1929 года, когда были арестованы около 200 священнослужителей и мирян, включая о. Сергия Мечёва, о. Сергия Савельева и др. В обвинении было записано: «член братства, руководимого священником Мечёвым, ведение антисоветской пропаганды», приговор – 3 года лагерей. Через полгода – новый арест и снова приговор к 3 годам лагерей, в этот раз он проходил по одному уголовному делу с о. Павлом Флоренским и другими священнослужителями. После освобождения из лагеря находился в ссылке

во Владимире с 1935 года, входил в потаённую общину вл. Афанасия (Сахарова). После ссылки несколько лет жил в Твери (Калинине), помогая скрывавшемуся там о. Сергию Мечёву. Несмотря на возраст, после рукоположения ревностно служил в Средней Азии. Во время хрущёвских гонений на церковь в 1961 году смог спасти храм в г. Ош, который власть пыталась закрыть, а вместе с ним – сохранил и всё Южно-Киргизское благочиние, которое возглавлял. Был близок с другим мечёвцем, проживавшим в Средней Азии, – архим. Борисом (Холчевым). Последние годы жизни о. Василий жил в Москве. Он очень хотел, чтобы снова был открыт Маросейский храм. Освящение храма произошло за три дня до кончины о. Василия. Отпевали его на Маросейке.

24 декабря отошёл ко Господу протоиерей Георгий Ивакин-Тревогин (1903–1980).

Как и отец Василий, отец Георгий был рукоположен только в 1950-е годы епископом Ермогеном (Голубевым) в Ташкенте, хотя был глубоко верующим человеком с детских лет. Он также был членом маросейской мечёвской общины, пережил аресты и лагеря. После суточных допросов у него всю жизнь было большое сердце, болели ноги. В ту пору в Ташкенте собрался целый сонм исповедников, в первую очередь членов ленинградского Александро-Невского братства и московской мечёвской

общины. В 1960 году власти сместили епископа Ермогена с кафедры, были закрыты 14 храмов, многие близкие владыке священники запрещались или отправлялись за штат. В отношении отца Георгия Ивакина-Тревогина началась клеветническая кампания, сильно подорвавшая его здоровье. Однако он продолжал служить в новом соборе, построенном ещё при владыке Ермогене в самый разгар хрущёвских гонений. Был горячим проповедником, писал богословские работы.

28 декабря отошла ко Господу Екатерина Ивановна Пикина (1923–2012), до последних лет хранившая архив Трудового братства еп. Макария (Опоцкого).

Такое служение ей доверили в братстве ещё в 1930-е годы. Екатерина Ивановна даже во время насильственной отправки в Германию на работы во время войны смогла провезти туда и обратно чемоданчик с архивом. Когда умирал кто-то из членов братства, она собирала всё, что имело какое-либо отношение к их общей жизни, и бережно хранила. В результате у неё собрались рукописные тетради с проповедями и беседами епископа Макария (Опоцкого), его письма, переписка членов братства. Теперь, во многом благодаря ей, этот архив постепенно становится достоянием всей Церкви. Екатерина Ивановна говорила: «В братстве надо отдавать всё – и тогда обретёшь стократ больше!» **КФ**

Воспитание личности

«Кифа» заканчивает серию материалов, посвящённых 30-летию СФИ. В каждом из номеров преподаватель и студент рассказывали про очередные 5 лет жизни института. Сегодня речь о последнем пятилетии: 2013–2018 гг.

*Беседовали Александра Колымагина, Анастасия Наконечная.
Фото: Максим Соболев, Александр Волков, Сергей Калинин*

Семинар «Апостол Павел и имперская власть». 2017 г.

Рассказывает студент-заочник Виктор Авилов (Тула)

Когда Вы решили поступать в Свято-Филаретовский институт, было страшно?

Нет, конечно, страшно не было, потому что я об этом мечтал ещё до своего воцерков-

ления. То, что я попал на оглашение, было как раз связано с тем, что я узнал об одном знакомом человеке, что он учится в некоем СФИ на богословском факультете, и с этого началось наше общение. Так что то, что проис-

ходило дальше, было прямым следствием этого факта и моим прямым желанием.

Так Вы что-то знали об СФИ?

Нет, я ничего о нём не знал, у меня вообще не было друзей,

В СФИ есть именно та целостность, когда все предметы подобраны так, что ты нерываешься между ними, а они тебя наоборот фокусируют, т. е. собирают во что-то целое, единое.

Сретенские чтения. 2015 г.

хоть как-то связанных с церковью. И была потребность получить богословское образование. Я что-то слышал о Свято-Тихоновском институте. В Туле у нас есть кафедра теологии при государственном университете, и я думал поступать туда. И только через личное знакомство с Евгенией Сафатовой узнал о Свято-Филаретовском институте. Она меня позвала на оглашение. Я его закончил в 2011 году и тут же поступил в Богословский колледж при СФИ. У меня было твёрдое желание учиться и учиться. Две сессии я сдавал экстерном.

Что такое, на Ваш взгляд, СФИ сегодня?

Если сравнивать его со светским вузом, где я учился в Туле, то СФИ – это как большая семья. То есть ты попадаешь в среду, и даже несмотря на то, что учишься заочно, она тебя в первую очередь формирует. Это и отличает институт от таких светских вузов,

где никто никому не нужен и есть некое раздробление, т. е. предметы друг с другом не согласуются и нет целостного образования. А в СФИ есть именно та целостность, когда все предметы подобраны так, что ты нерываешься между ними, а они тебя наоборот фокусируют, т. е. собирают во что-то целое, единое.

А семья – это значит, что по-братски можно чего-нибудь не выучить?

Нет, конечно. В первую очередь это действительно братское человеческое отношение студентов и преподавателей, преподавателей и преподавателей, студентов и студентов.

А в чём это выражается?

Не в каких-то поблажках, а в том, что мы все друг в друге заинтересованы. Преподаватель заинтересован в том, чтобы в студенте под влиянием прочитанного курса лекций что-то

продвинулось, то есть целью образования становится именно воспитание духовной личности в продолжение того воспитания, которое начинается ещё на оглашении.

Есть ли у Вас любимые предметы?

Мне кажется, что по содержательности из всех курсов, что я пока что слушал, лучший – это литургика, курс Зои Михайловны Дашевской. И ещё богослужебный устав, конечно, который преподаёт Светлана Олеговна Чукавина. И история богослужебных чинов. Я люблю всё, что связано с богослужением. Мне всегда было интересно с этим разбираться. Да, это очень сложно, но оказалось очень увлекательным. И хотя сфера моих интересов, может быть, ближе к истории или экклезиологии, но увлекает то, как именно подан предмет, увлечённость преподавателя...

Хомяков – первый из целого ряда экклезиологов русской традиции, о которых мы говорим со студентами. Собственно, с него и началась оригинальная русская богословская мысль и оригинальная русская экклезиология.

На заседании Учёного совета СФИ

Рассказывает преподаватель экклезиологии Дмитрий Гасак

Вы преподаете в Свято-Филаретовском институте экклезиологию. Я не помню, чтобы этот предмет в семинариях или академиях преподавался как отдельная дисциплина. Там он входит, кажется, в состав догматического богословия?

Как правило, да. Раньше, во всяком случае, так и было, в том числе и в нашем институте. Сейчас, если не ошибаюсь, ситуация меняется. Несколько лет назад я просматривал учебные планы духовных учебных заведений и тех светских университетов, где преподается теология, и мне, кажется, попадался этот предмет. Но в любом случае до сих пор в большинстве семинарий и академий экклезиология традиционно входит в состав догматического богословия. Мы же её довольно давно выделили в отдельный курс, и сначала экклезиологию у нас преподавал зав. кафедрой богословских дисциплин и литургики профессор Д.М. Гзгзян, а с 2011 года её преподаю я. Эта дисциплина стала особенно актуальна для нашего института и приобрела определённую

целостность и специфику после того, как ректор СФИ, о. Георгий Кочетков, разработал тему богословского таинствоводственного цикла, посвящённую экклезиологии. Мой курс во многом ориентируется именно на его концепцию, которая является, с одной стороны, синтезом того, что было написано экклезиологами в XX веке (прежде всего богословами русской традиции), а с другой – выражением того опыта церковной жизни, который был накоплен Русской православной церковью во второй половине XX века. Это и опыт исповедников, и ещё – опыт последних тридцати лет церковной жизни, которые прошли после празднования 1000-летия крещения Руси. На мой взгляд, на сегодняшний день это наиболее целостная экклезиология в нашей церкви.

В центре ваших научных интересов лежит наследие А.С. Хомякова. Ваш курс каким-то образом соотносится с его наследием?

Безусловно. Хомяков – первый из целого ряда экклезиоло-

гов русской традиции, о которых мы говорим со студентами. Собственно, с него и началась оригинальная русская богословская мысль и оригинальная русская экклезиология. С именем Хомякова связано представление о соборности; он сумел по-новому, с новой силой и новой ясностью выразить Новозаветное откровение о Церкви, о таком собрании верных Христу, верующих людей, где антиномичным образом сочетается и личностность, и общение, единство. Поэтому совсем не случайно уже более поздние мыслители, раскрывая понятие соборности, осмысляя его, приводили разные сравнения и аналогии. Например, Николай Бердяев противопоставлял коллективность и соборность, показывая, что это вещи не просто разные, а противоположные друг другу. Хомяков первый заговорил о Церкви изнутри. Он первый постарался высказать свою мысль о Церкви с точки зрения веры в Церковь, а не просто объективного взгляда на видимую церковную организацию. **КФ**

О преодолении кризиса и евангельских основах жизни

Фрагменты интервью священника Георгия Кочеткова
в связи с разрывом евхаристического общения между Москвой
и Константинополем и украинским кризисом

Беседовал Олег Глаголев для сайта s-t-o-l.com

Сошествие Святого Духа на Апостолов. Фреска церкви Св. Димитрия в Пече, Косово, Сербия. XIV век.

Как различать в кризисе, связанном с разрывом общения между Московским и Константинопольским патриархатами, церковные, церковно-политические и политические аспекты?

Церковный аспект, безусловно, самый важный. Именно из-за церковного кризиса трещит по швам

вся иерархическая и каноническая структура. Люди стали понимать, что и система иерархии, и модель поместного церковного устройства «автокефальная церковь – епархия – приход», разработанные в константиновский период, сейчас работают чрезвычайно плохо, а иногда просто разрушительны для церкви. Это мы и видим в поведении Константино-

Люди стали понимать, что и система иерархии, и модель поместного церковного устройства «автокефальная церковь – епархия – приход», разработанные в константиновский период, сейчас работают чрезвычайно плохо, а иногда просто разрушительны для церкви. Это мы и видим в поведении Константинопольского патриарха, а иногда и других предстоятелей православных церквей, и просто архиереев.

польского патриарха, а иногда и других предстоятелей православных церквей, и просто архиереев. Часто это распространяется и на священников, а значит, и на всю систему приходской жизни. Вот это надо осознавать и это надо обсуждать, когда мы говорим о чём-либо, связанном с церковным устройством, церковным управлением, церковным порядком.

Разрыв общения между патриархатами, усугубившиеся на этой почве конфликты и разделения между верующими внутри одной юрисдикции обнаруживают в церкви действие идеологических и политических сил. Это, конечно, дискредитирует церковь. И это уже церковно-политический аспект. Всем понятно, что и раньше была огромная зависимость церкви от государства, его внутри- и внешнеполитических интересов, часто совсем не близких церкви. Но сегодня, когда большинство стран утратили свои христианские корни и живут, не оглядываясь на церковь, сама церковь по-прежнему держится за государственную власть и, сохраняя прежний порядок своего устройства, попадает в ещё большую зависимость от политики. Что называется, дожил христианский мир до этого позора...

Политические причины нынешнего кризиса слишком очевидны. Силы, которые приводят его в движение, не волнуют расколы в православии или внутренние проблемы Украины. Все видят, каково влияние, скажем, Америки и отчасти Европы на решение Константинополя.

Политические пружины в этом церковном расколе – самые сильные, им подчинено церковное, каноническое, историческое толкование событий во всех странах и всех православных церквях. Но ведь кроме политики существует же ещё история, существуют люди, существуют какие-то национальные традиции, взаимоотношения народов, духовные, культурные, деловые и просто родственные связи,

которые не могут быть принесены в жертву только политическим целям и средствам.

Симптоматично, что в предполагаемой автокефалии в принципе нет никакого церковного содержания. Никто не сказал, зачем Украине нужна автокефалия, кроме одного: хотим быть сами по себе. Коли у нас независимое государство – значит, должна быть независимая автокефальная церковь. Но такого принципа в церкви нет. Получается, что в основу кладётся принцип националистический, то есть филетизм. Плюс церковные вопросы оказываются подчинены интересам государственной власти, а это такая же ересь, как и филетизм, хоть она пока и не имеет названия.

Стремление оторвать Украинскую церковь от Русской связано в первую очередь с тем, чтобы окончательно оторвать Украину, её народ, традицию, её потенциал от Российской Федерации – не только политически, экономически, но и духовно, церковно. Потому что самая крепкая, самая серьёзная связь между украинцами и русскими, которые по сути почти один и тот же народ, – это духовная связь. И правильно патриарх Кирилл говорит, что наше единство начинается с киевской купели, с крещения, а всё остальное – наносное, в том числе все эти стремления к автокефалии.

Но проблема в том, что этот кризис более глубокий, его причины никак не сводятся ни к политике, ни к вопросу об автокефалии. И народ, живущий на Украине, и Украинская церковь несут на себе те же язвы советского времени, что и современная РФ. И они так же не освободились, не покалялись и не возродились после советского времени. Это возрождение и не может произойти, если люди всё время хотят видеть причины страшного XX века вовне, а себя считать лишь жертвами. Пока на Украине есть только начатки покаяния, но есть и некоторое националистическое и шовинистическое самоудовлетво-

Попытки с умилением вспоминать константиновскую эпоху, председательствующего на Вселенском соборе императора, а тем более стилизация под этот период церковной жизни представляет смертельную опасность для церкви

рение – и это далеко не самая лучшая ситуация.

А кто-то понимает, что происходящее сейчас – это трагедия, несущая угрозу прямого военного конфликта. Такого ещё не было в истории: Россия и Украина никогда друг с другом всерьёз не воевали. Даже когда большая часть Украины входила в Речь Посполитую, то и тогда в силу своей православной веры и общих традиций, идущих со времён Киевской Руси, народ считал и называл себя русским (или русьским), причём весь, включая Западную Украину. Могли быть разного рода противоречия, непонимания, обиды, иногда претензии друг к другу – всё могло быть. Но так или иначе это всегда мыслилось как некое единство. А вот сейчас, как раз впервые, «благодаря» советской национальной политике, которая всё время играла на этих различиях, противоречиях, усиливая обиды и претензии, возникла совершенно новая ситуация, которой в истории никогда не было. Впрочем, и Украины в нынешних границах никогда не было. Это не традиционная Украина, это новообразование. Не было и такого её отношения к России, к русскому народу, великороссам. Многие теперь ещё и умышленно мифологизировано ради политических целей, богатства и власти. А всё это имеет сильное влияние на церковь.

К сожалению, современные аналитики, политологи и социологи очень плохо разбираются в церковных делах, как и сами церковные люди, особенно «официальные лица». Люди обсуждают всякие тонкости экклезиологической модели, скажем, византийской и русской, выясняют различия и противоречия между ними, но они не видят, что за этим стоят куда более серьёзные проблемы – фундаментальные для церкви, и эти проблемы находятся по ту сторону современных разногласий Константинополя и Москвы. Потому что современная экклезиологическая модель и в Константинополе, и в Москве, хотя несколько в разных формах – даже не просто по-

местная или поместно-приходская, а именно клерикальная, клерикалистская. В ней совсем теряются новозаветные евангельские начала власти любви. Вот что люди не видят, а это самое главное.

Что изменилось после разрыва евхаристического общения для верующих Московского патриархата и Константинопольского?

Насколько можно судить из опубликованных текстов о решениях последнего Синода РПЦ, нет евхаристического общения между двумя церквями – Русской православной и Константинопольской. Это значит, что ни клирикам РПЦ сослужить, ни мирянам причащаться в храмах Константинопольского патриархата нельзя. По умолчанию предполагается, что всё остальное можно: помолиться вместе, быть на вечерне, утрени, молебне, панихиде или отпевании. Наверное, на крещении тоже можно присутствовать. Можно что-то хорошее вместе делать – пожалуйста, ничего не ограничивается, кроме участия в таинствах.

Мы должны иметь дерзновение в молитве, мы должны быть открыты для примирения во Христе, но и знать границы канонические, иерархические, евхаристические в их современном значении и в традиции церкви. Сейчас видно, что в них временное.

Сейчас в интернете можно столкнуться с призывами не исполнять решения Синода о разрыве евхаристического общения, «поскольку это всё политика, а нужно просто быть добрым христианином и любить своих врагов».

Это своеобразная попытка быть нигде, как бы над схваткой. Но в данном случае это не миротворчество, а нежелание разделить трудности и судьбу своей церкви со всеми её немощами и язвами. Попытки так устраниваться от ситуации, разделяющей патриархаты, только провоцируют раскол. Не надо враждо-

вать ни с Константинополем, ни с кем, но и в своей церкви не нужно сеять рознь. Это не значит, что не нужно искать путей выхода, но начинать надо с себя: не критикуя решения иерархии, а преодолевая разделения внутри нашей церкви, ища более глубокие основания для единства. Пренебрежение к решениям церковного руководства показывает, что хотя внутри своей юрисдикции люди могут причащаться от одной чаши, это автоматически не приводит к единству и миру. А потому и причастие вопреки всему в Константинопольском патриархате для членов нашей церкви может оказаться лишь политической декларацией, то есть ловушкой.

Какие пути выхода из кризиса Вы видите?

Надо вернуться к евангельским основам жизни, к опыту созданных апостолами и первыми поколениями христиан общин и братств, от которых церковь ушла под влиянием тех самых политических причин из-за разных исторических перипетий и трудностей.

Как может осуществиться переход к предложенной Вами общинно-братской модели? Получается, что сначала должна прекратить своё существование нынешняя церковная структура?

И такое бывает, но, я надеюсь, этого не будет. Дело в том, что сейчас в церкви идут интересные процессы, нарождается какое-то новое поколение, и не только в нашей церкви.

Только сам церковный народ, сами епископы и пресвитеры могут поднимать такие вопросы и начинать их решать. И такие люди есть, но пока их голоса полностью заглушаются. Кто их знает? Кто назовёт их имена? Пока слушают каких-нибудь Кураева, Смирнова, Ткачёва или Шевкунова. Можно продолжать этот ряд достаточно долго. Но это же позорище!

Есть ли, по-Вашему, хоть один авторитетный голос, который можно было бы противопоставить перечисленным Вами лицам?

Для этого всё и глушится, чтобы его не было как в обществе, так и в церкви. У нас единственный формальный авторитет – это патриарх. Но его авторитет постоянно занижают «до плинтуса» даже там, где он хорошие вещи делает, не говоря о спорных, которые надо было бы обсуждать. Но для этого в церкви нужна была бы свобода, а её нет, есть только весьма спорная вертикаль власти.

Авторитет православной церкви в обществе очень упал. Народ смотрит на церковную структуру как на

прихвостней власти, которые поддерживают самые низменные интенции в обществе.

Могут ли что-то делать миряне для помощи в разрешении этой ситуации?

И могут, и должны. Но надо стараться делать это без критиканства. Нужно проблемы ставить и решать, а не делать вид, что коли это церковь, которая призвана быть мистическим Телом Христовым, значит, все проблемы как бы уже и решены. Или что они не должны быть видимы внешнему обществу и миру. Ничего подобного, они все видны.

Церковь – это люди, а где люди – там проблемы. В Боге проблем нет, а в людях они всегда есть.

Когда всё это скрывается, это много хуже, потому что, увидев в церкви что-то недолжное или непонятное, люди начинают фантазировать, начинают подозревать всех в ещё худшем. Увидев безобразие в одном месте – думать, что это безобразие существует везде. Нет доверия церкви, потому что люди видят, что в ней самой нет открытости. К тому же есть известный во все века парадокс: всегда в мире сем будут силы, которые воюют против Церкви как таковой, и чем она будет лучше, тем больше будет сопротивление этих сил.

Для внутренней жизни Русской православной церкви этот раскол несёт в себе только какие-то угрозы или наоборот: способствует единству, консолидации разных православных направлений, сил и традиций?

Этот кризис принёс проблемы, но он чреват и вещами хорошими. Но хорошее само собой никогда не является. Хотите хорошей жизни, хотите исправления ошибок, грехов – нужно покаяние и совместные творческие, духовные, соборные усилия. Создавайте то, чего вы хотите, что Бог от вас хочет, на что вы поставлены. Хотите жить в духе любви и свободы во Христе? Хотите жить в духе братства, общения и служения? Так действуйте, начиная с себя. Вот что главное. Да, нужно покаяние за многое, за прошлое. Да, нужно возрождение всему народу, и стране, и церкви. И церкви это нужно – и не надо стесняться и бояться об этом говорить, хотя, конечно, сразу многие завоюют и будут стараться прижать к ногтю тех, кто заговорит об этом всерьёз. Но так было всегда. Где-то более цивилизованно, где-то более грубо. Надо этому противостоять силой общей веры, надежды и любви.. **КФ**

*Полностью интервью опубликовано на сайте s-t-o-l.com
(«Православие и мир: быть или не быть»)*

Свет надежды по ту сторону отчаяния

Интервью с Алексеем Вадимовичем Бартошевичем, историком театра, внуком актёра В.И. Качалова, взятое в рамках подготовки дискуссионной площадки «Свидетельство через культуру» (фестиваль «Преображенские встречи», 2018 г.)

Беседовала Нина-Инна Ткаченко.

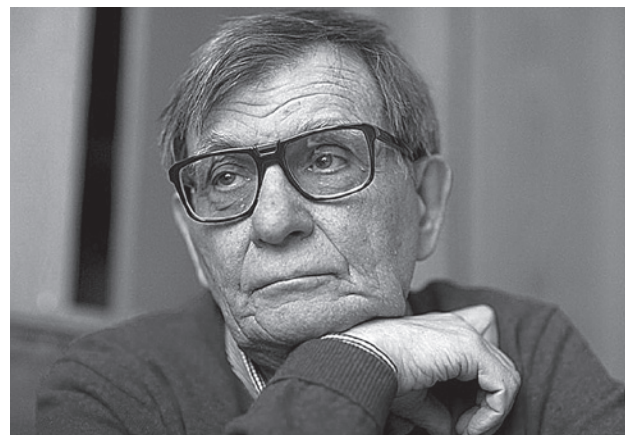
Фото с сайта Студии театрального искусства www.sti.ru и www.lensov-theatre.spb.ru

В чём, на Ваш взгляд, главная миссия современного искусства? Сейчас услышать из уст людей театра слово «миссия» почти невозможно. Это считается слишком выпендренным, слишком уж дурно театральным выражением. Если бы Вы спросили о миссии у Станиславского, он бы нисколько не удивился и сказал что-нибудь очень важное. Но то, что в позапрошлом или в начале прошлого века считалось естественным, сейчас считается слишком возвышенно-сентиментальным. Мы живём в сугубо не-сентиментальный век и избегаем употреблять слишком громкие фразы. Дело для нас не во фразах, не в том, какие слова люди употребляют, а в том, какие реальные задачи они перед собой ставят. И здесь я могу найти много, очень много примеров русского традиционного понятия этого слова – миссия.

Самый близко лежащий пример – это, разумеется, Студия театрального искусства Сергея Женовача. Он всё время говорит: «Ребята, давайте командой, давайте возьмёмся за руки, давайте чувствовать друг друга рядом». Он старается работать именно вместе: вместе с актёрами, вместе с техниками, вместе со своими замечательными художниками... И публика, когда приходит в его

театр, чувствует это «вместе», чувствует себя частью важного, человеческого, нравственно осмысленного сообщества. Он берёт произведения, связанные с русской традицией. Ну, кому в голову могло прийти, что из романа Лескова можно сделать спектакль? А он взял замечательный роман об уходящем дворянском мире и сделал спектакль, в котором речь идёт именно об этом. Смысл существования современного театра состоит в том, чтобы попытаться возродить это чувство верности прежним ценностям. Или совсем другой пример – то, как он делает Достоевского. Ведь из Достоевского можно извлекать ожесточённость, озлобленность на мир, глумление над человеком. Всё это можно у него найти, а Женовач ищет в Достоевском стремление сделать людей ближе друг к другу. Совсем неслучайно он несколько лет назад вдруг поставил Диккенса, который очень близок к раннему Достоевскому. Вот пример того, как можно применительно к современному театру говорить о миссии, хотя сам Женовач никогда не произносит этого слова.

А вот вам другой, противоположный пример. Я очень высоко ценю талант Константина Богомолова. Но весь вопрос в том, что спектакли его скорее разрушительные. Да, наверное, на одних сентиментальностях, взятых

из прежних времён ценностях, сейчас не проживёшь. Но когда в его «Карамазовых» старца Зосиму и Смердякова играет один актёр, показывая, что это равноценные, равнозначные личности, это не только разрушение смысла романа, но и разрушение смысла существования вообще. Конечно, говорить о разрушении можно, если при этом художник испытывает боль и скорбь по поводу того, что мир ценностей разрушается. А когда художник испытывает и доносит до вас некую злую радость, некоторое мрачное ликование по поводу того, что мир рушится, тогда рождается искусство иногда талантливое, иногда даже блестящее, но построенное на голом цинизме. В сущности, художник видит свою цель в том, чтобы сказать, что мир рушится, и при этом пускается в ликующий танец на могиле этого мира... Хотя и

Чарльз Диккенс. «Битва жизни».
Постановка Сергея Женовача

здесь я могу привести отчасти противоположный пример – недавно Богомолов поставил «Три сестры», спектакль, который очень удивил его недругов и друзей. И многие его поклонники говорили: «Как рад был бы Константин Сергеевич, что в Художественном Театре поставлен был этот спектакль, в котором никто не кричит, никто не надрыгается, никто не нажимает, спектакль, построенный по формам самой обыденности». И это так. Но, с другой стороны, это – спектакль о смерти. Это спектакль, который помнит о Чехове после того, как Чехов выпил перед смертью бокал шампанского и сказал: «Ich sterbe» («Я умираю» (нем.). – *Ред.*), это Чехов, которого везут в вагоне среди ящиков с устрицами, чтобы похоронить в Москве. С одной стороны, это очень естественно, что в наше время рождается такое искусство; наше время провоцирует на такого рода мрачное ликование, на такого рода всеотрицание. Но, с другой стороны, мне лично такая пляска на чужих костях глубоко чужда, хотя очень много молодых людей, очень много моих студентов считают, что это-то и есть современное искусство.

Это можно сравнить с пиром во время чумы?

Герои «Пира во время чумы» противостояли чуме, они пыта-

лись утверждать свой пир как то, что от чумы укрывает, и видели в нём единственный путь спасения. Так что если художник хочет говорить о том, как люди могут спастись от той чумы, которая нас окружает, и каким-то образом этой чуме противостоять, то это – моё в искусстве.

В последнее время появились две новые интерпретации Гамлета. Одну из них, совершенно замечательную, создал Лев Додин в Малом Драматическом театре в Петербурге. Это самый мрачный, самый беспросветный Гамлет, какого я видел в жизни. В этом спектакле, в сущности, пересматривается русская традиция восприятия Гамлета как святого. Ведь у Пастернака в уста Гамлета вкладываются слова Христа в Гефсиманском саду: «Если только можно, авва Отче, чашу эту мимо пронеси», и это очень показательно. Додин радикальнейшим образом отвергает это восприятие Гамлета; он кричит в спектакле о том, что наш мир и люди, живущие в наше время, Гамлета недостойны. Гамлет как святыня невозможен в современном мире, его нет более. Когда у героя романа Томаса Манна «Доктор Фаустус», великого композитора Адриана Leverkюна, умирает любимый внук, единственный смысл его жизни,

он говорит: «Девятая умерла. Её нет более!» Девятая симфония Бетховена сосредотачивает в себе все главные ценности европейской культуры – триаду Добро, Истина, Красота. И вот теперь она существовать не может, и всё дело в том, с какой трагической болью об этом говорит Леверкюн. И Томас Манн. И Додин в своём спектакле с болью, горечью, тра-

Иллюстрация А.Кравченко к одной из «Маленьких трагедий» Пушкина – «Пир во время чумы». 1936 г.

гическим страданием говорит о том, что Гамлета в традиционном смысле этого образа больше быть не может. Поэтому, если угодно, Гамлет у Додина – это сам Додин.

«Гамлет» в постановке
Юрия Бутусова

Он сам несёт в себе гамлетовскую боль и гамлетовское страдание. И этот мучительный крик боли и сострадания делает спектакль Додина частью той миссии, которую он всю жизнь исполняет, миссии, состоящей в том, чтобы нести в беспросветный мир хоть какую-то надежду и свет.

Совсем другой вариант: недавно другой замечательный, тоже питерский, режиссёр Юрий Бутусов поставил Гамлета, в котором роль принца датского играет его любимая актриса Лаура Пицхелаури. И дело не в том, что Гамлета играет актриса, женщина. Это уже бывало много раз в истории театра. В сущности, он существо андрогинное, существо без возраста, воплощение юной, молодой незащищённости, физической слабости, соединённой с очень глубокой душевной силой. В конце спектакля Гамлет, это субтильное, тоненькое, хрупкое существо появляется с огромным, занимающим всю сцену, деревянным мечом. Он поднять-то этот меч не может, не то чтобы обрушить его на мир-тюрьму или хотя бы на Лаэрта с Клавдием. И Горацио говорит ему: «Вы не будете драться!» А этот мальчик-девочка, это крошечное существо, которое крепко держит в руках рукоятку меча, которого он не может поднять, говорит: «Буду».

И на этом «Буду» заканчивается спектакль. Никакой дуэли там уже нет, она, в сущности, уже не нужна. Речь идёт о той пусть робкой, пусть слабой надежде на юных и слабых, поскольку зрелые и сильные предаются и убивают. И опять-таки, если вы Бутусова спросите о миссии, он руками будет махать, но ведь если говорить о конечном смысле этого его странного, странного Гамлета, о конечном смысле, то он очень человечен. И он даёт тот последний свет, который, как сказано у Томаса Манна в том же романе, даёт надежду по ту сторону отчаяния. Сперва возникает отчаяние, а потом эта нота надежды, которая вдруг прорывает мрак. И это очень русское свойство. Общечеловеческое, но всё-таки прежде всего русское – поиски света, поиски надежды, поиски какой-то душевной опоры даже в условиях, когда эту опору найти если не невозможно, то страшно трудно.

Могут ли на этом пути обретения надежды взаимодействовать культура и церковь?

Скажу для начала, что я абсолютно невоцерковленный человек. И честно говоря, в нашей жизни мы сталкиваемся скорее с тёмным двойником, чем с тем, чем церковь должна, призвана

быть. Беда русской истории в том, что церковь слишком поспешно соединила себя с государством, ему подчинилась и это, как мне кажется, настоящее национальное несчастье. Церковь стала служанкой власти и до сих пор на самом деле ею остается, если говорить о церкви как организации. И я плохо себе представляю связь между официальной церковной организацией и искусством в его подлинном смысле и в его истинных целях.

Но время от времени я слышу с разных сторон о том, что появляются священнослужители, которые не укладываются в этот церковно-государственный официоз. Одна из моих студенток связана с молодежным православным сообществом и однажды она меня и моего друга и коллегу попросила прийти и поговорить с этими ребятами. И должен сказать, что меня поразили чистота и высота душ этих молодых людей, их глаза. Мне показалось, что то замечательное впечатление истинности, подлинности, которое они излучали, – впечатление совсем не ложное. И если я прав и это не случайность, тогда, очевидно, нам есть на что рассчитывать, и союз между религией и культурой будет вполне естественным и даже, я бы сказал, неизбежным. **КФ**

Солженицын и поэты андеграунда

Борис Колымагин

В нулевые годы XXI века Юрий Кублановский написал стихотворение «Воспоминание о Вермонте» и совершил символический жест – напечатал его в «Новом мире», в журнале, с публикации в котором началась литературная слава Солженицына.

Кублановский, пожалуй, один из немногих поэтов, кто сохранял ровные чувства к Александру Исаевичу на протяжении многих десятилетий. Хотя в целом в культурном подполье к писателю относились по-разному. После публикации в 1961 году рассказа «Один день Ивана Денисовича» портреты Солженицына можно было увидеть в московско-питерских квартирах, его новых произведений ждали, и «Архипелаг ГУЛАГ», наряду с прозой Набокова и Булгакова, поэзией Бродского и Мандельштама, вошёл в «канонический» круг чтения инакомыслящей интеллигенции.

В конце 1970-х, когда нобелевский лауреат впервые попытался высказать свои идеи касательно будущего СССР, отношение к нему стало меняться. Появились острые критические высказывания. Однако в андеграунде, если брать художественные тексты, мы не встретим жёсткой критики. Многие писатели, несмотря на идеологические расхождения, продолжали сочувствовать изгнаннику.

Можно сказать, что сама установка на сочувствие имела политические коннотации. Отношение андеграунда к Солженицыну в каком-то смысле было связано с самоидентификацией, с геометрией внутреннего «я», с точками сопротивления советской идеологии. Письмо Юрия Кублановского «Ко всем нам», приуроченное к двухлетию высылки Солженицына, как раз актуализировало эти акупунктурные точки.

О том, что сочувствие неотделимо от политики, свидетельствует судьба рязанского поэта Евгения Маркина. «Он умудрился протащить в “Новом мире” стихотворение о бакеншике “Исаиче”, которого очень уважают на большой реке, он всегда знает путь, – то-то скандалу было потом, когда догадались (!) и исключили-таки бедного Женю из СП (Союза писателей. – *Ред.*)», – пишет Солженицын в повествовании «Бодался телёнок с дубом».

Исаич возникает в журнальной публикации в качестве человека, которого все любят:

Ведь не зря ему, свисая
с проходящего борта,
машет вслед: – Салют, Исаич! –
незнакомая братва.

Но самая главная любовь – к женщине, которая его любит, не задалась. Та совершила ошибку, вышла замуж за другого.

Что ж постыл тебе он вдруг –
твой законный, твой непьющий,
обходительный супруг?, –
вопрошает поэт. Вопрос риторический. И переиграть ничего нельзя – это не американский фильм со счастливым концом, а русская быль:

Как тут быть – сама не знаешь.
Вот и пой, как в старину:
– Не ходите, девки, замуж
на чужую сторону!

Почему чиновники от литературы увидели в этом безобидном произведении намёк на Солженицына, сказать решительно невозможно. Дело было, наверное, не в стихах, а в контексте: Маркин знал «Исаича», сомневался в целесообразности исключения его из Союза писателей СССР, о чём сказал открыто на собрании Рязанской писательской организации, за что вскоре поплатился.

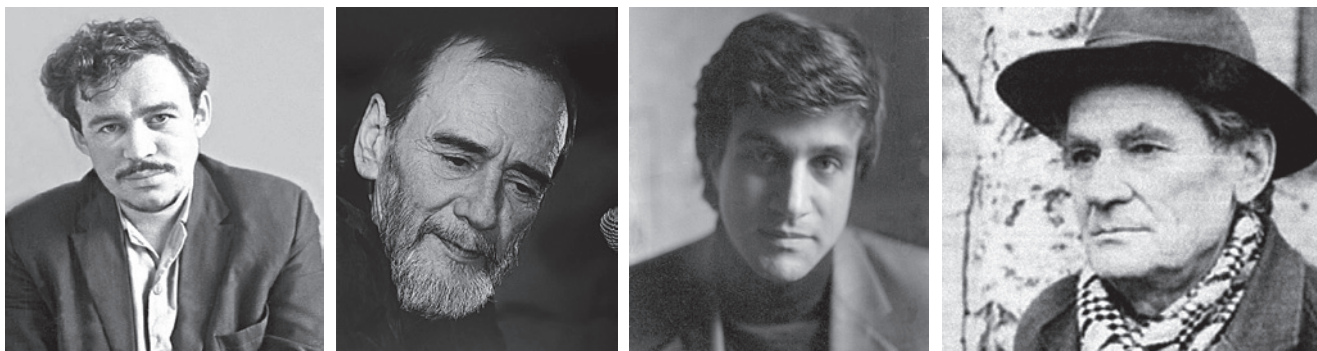
Тема сочувствия к «Исаичу» звучит в произведениях разных поэтов. Возможно, самые сильные строки принадлежат оказавшемуся в эмиграции Алексею Хвостенко (Хвосту), автору песни «Вальс-жалоба Солженицыну» (1979).

«От песен Хвостенко исходит какое-то свечение счастья и свободы, но мне всегда немного перехватывает дыхание в припеве песни, написанной по случаю высылки Солженицына из России», – признаётся Константин Кедров в газете «Известия».

Припев – почти музыкальная фраза:

Ах Александр Исаич,
Александр Исаевич,
Что же ты, кто же ты, где же ты, право же, надо же.

Слово освобождается от содержания, превращается в звуки. Но эти звуки несут облако смыслов-чувствований. И каждый раз припев, чуть видоизменяясь, «наращивает» общий смысл: «Были бы, не были, ежели, нежели, дожили», «Так ли не так ли и то да не то да не то ещё», «Эко зеленое-мутное царство Канада-Мордовья вселенская родина», «Ох тяжело,

Евгений Маркин, Алексей Хвостенко, Владимир Аристов, Борис Чичибабин

нелегко, Александр Исаевич, / Так-то, вот так, Александр Исаич, Исаевич». Такие строчки никакую советскую цензуру не пройдут в принципе. И не только по идеологическим, но и по эстетическим соображениям: они за рамками стандартного поэтического говорения, на границе поэзии и музыки.

Мы здесь имеем дело с игрой андеграунда, ориентированной на русский авангард. Не случайно поэт-минималист Иван Ахметьев однажды охарактеризовал такое занятие как ретроавангард.

Немного иначе, чем Хвостенко, играет с поэтическим словом Владимир Аристов. Его игра создает сложное метафорическое пространство, в котором реальность, голая правда растворяется в реальности более высокого порядка и прямое высказывание уходит за горизонт. В балладе «Солженицын» (1974–1975), написанной по следам высылки писателя из страны, благодаря цитате из Пушкина в первых строчках произведения («Пока свободой горим, / Пока сердца для чести живы») мы переносимся во времена декабристов. Солженицын, таким образом, сравнивается с последними.

Но перед нами не центонная¹ поэзия. Цитата задает общее звучание. И вот мы уже видим тёмный Цюрих, текущую в Европу нефть. Нефть течёт из края вечной мерзлоты, где «двадцать миллионов мёртвых / Отплыли ночью к Самотлору». Текст, словно слепой человек, ощупывает мёртвое тело ГУЛАГа. Но об исправительно-трудовых лагерях в стихотворении прямо не говорится. Нефть течёт из восточной страны на запад. Ночь движется над тихим Стиксом. Образы ведут нас в Древнюю Грецию: «Опять Харон поёт из бездны, / Семейно встречая на пароме». Забыть ужас лагеря – счастье: «Река коснётся тех счастливых, / которым предстоит забвенье». Так завершается баллада, которая неожиданно пересекается с песней Галича «Облака плывут, облака». У Галича память уносит героя «в края». Здесь она тоже, в общем-то, уносит, но было

бы хорошо, по мысли автора, всё забыть – выйти из этого кошмара через миф.

Аристовская игра серьёзна. Она, если уж говорить совсем пафосно, фрагмент литературы после ГУЛАГа.

По сравнению с Аристовым текст Бориса Чичибабина «Солженицыну» звучит несколько старомодно. Чичибабин говорит, что называется, в лоб и заодно пытается немножко поучать новую знаменитость:

Лишь об одном тебя молю
со всем художническим пылом:
не поддавайся русофилам,
на лесь гораздым во хмелю.

Поэту очевиден масштаб дарования того, кто чин писателя России
за полстолетия впервые
... возвеличил до небес

и кого можно назвать «опорой доброты, преемником яснополянца». В целом стихотворение, несмотря на риторический крен, передаёт сочувствие Чичибабина к автору «Архипелага».

Учительская позиция (роднящая, к слову, Чичибабина с Солженицыным) не свойственна в целом андеграунду. А вот интонация на грани риторики и поэзии, очевидная в опусе харьковского писателя, заметна у многих.

Поэтический опыт Державина оказался важен для «второй культуры». В игру по сведению и разведению понятий включились самые разные поэты – от Игоря Холина до Олега Охупкина.

Так, мощный, захватывающий всё «державинский» речевой поток характеризует творчество Игоря Бурихина. Поэт упоминает Солженицына в самиздатском сборнике «Пение посреди церковного года» (1976, стихотворение «Уже багровая луна»), привязывая его образ к видениям Апокалипсиса. Солженицынское слово он связывает с речами пророков. С провозглашением правды Божьей, которая

¹ Центон – стихотворение, целиком составленное из известных предполагаемому читателю строк других стихотворений.

«Видение пророка Иезекииля». Гравюра Гюстава Доре

«буксует», которая, как и в древние времена, народом плохо воспринимается:

« иезекиилевой ли ржи
колеса поядают спицы
или взыскующий: по лжи
не жить! – буксует Солженицын.

Не только свое сочувствие Солженицыну, но и свое несогласие с ним андеграунд выразил посредством игры со словами, решая одновременно мировоззренческие и чисто художественные задачи. Например, Всеволод Некрасов в рамках конкретистской поэтики постарался представить некую инсталляцию мировоззрения писателя: «Из-под глыб / булыги / Александр Исаевич / на том стоит / и этим он / потрясает».

В своей миниатюре Некрасов подчёркивает внутреннюю связь знаменитого автора с революционной идеологией. И эта связь его немного пугает. Несогласие иногда связано с фигурой умолчания. Скажем, Владимир Герцик, размышляя о «стране победившего гноя», упоминает только Шаламова, хотя наверняка мог бы вспомнить и Солженицына: «В западне заводной мелодрамы / И в прогибе дурных скоростей / Только бритвенный ангел Шаламов / Знает гиблую цену людей».

Наступившая эпоха постмодерна заставила взглянуть на фигуру Солженицына в ином ракурсе – как на знак и как на медийный персонаж. Начинаются уже совсем другие, не ретроавангардные игры, в которых политика окончательно перетекает в поэтику.

Вот, скажем, концептуальный опус эмигранта Вагрича Бахчаняна «Сто однофамильцев Солженицына», напечатанный в тамиздатском «Ковчеге». Бахчанян дает фотопортреты и поясняет: «Мне удалось собрать 100 однофамильцев А.И. Солже-

ницына. Отчества и адреса однофамильцев Александра Исаевича не указаны в целях конспирации». О политике здесь уже не может идти речи. И само произведение оценивается культурным сообществом по принципу «смешно – не смешно», то есть вне привычных представлений о красоте и правде.

В «Стеариновой элегии» Александра Миронова Солженицын поставлен в ряд с другими раскрученными фигурами, литературными героями и политическими деятелями: «Я слышал – это были имена – какой-то вздор! / Я слышал: Гоголь, Пушкин, / Бах (ну, к чему бы это?), Демосфен / и некая непрошенная Фёкла (...) / Ягода, Johnny Walker, Солженицын, / Тутанхамон & Company, Басе...» Здесь Солженицын растворён в медийном поле. В контексте постмодернистского говорения он превращается в симулякр. Но, несмотря на такое превращение, его фигура остаётся важной для культурного подполья вплоть до последних дней существования андеграунда как такового.

И в заключение этих заметок хотелось бы привести своё стихотворение, связанное с образом писателя, который жил во мне в советские годы:

контур памяти
создает геометрию дня и ночи
медали
в бархате шкатулки
револьвер на столе
и женщину напротив,
которую я никогда не знал
контур памяти
освобождает бэкграунд –
Солженицын,
весомое слово
и свобода снежного поля:
не бойся, не верь, не проси.

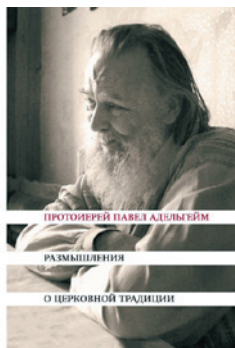

Предание

интернет-магазин
православной литературы

www.predanie.org

Связаться с нами
можно по телефону:
+7 (963) 316-53-93

Книги о вере и Церкви, уникальные исследования о братской и общинной жизни в истории и современности, о трагическом и полном надежды и силы духа опыте новомучеников церкви русской, тексты православного богослужения на русском языке в переводе свящ. Георгия Кочеткова (в том числе в электронном формате), беседы для тех, кто готовится к вступлению в Церковь

Среди наших новинок ранее не издававшиеся книги:
«Ива Эдесский и его время» протопр. Николая Афанасьева, «Евхаристическая экклезиология сегодня», «Хрестоматия по мистагогии», свежие выпуски альманаха СФИ «Свет Христов просвещает всех»

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Сбор средств на ремонт часовни
в здании Свято-Филаретовского института

<http://c.sfi.ru>

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ТЕМА

ХРИСТИАНСКАЯ СВОБОДА

Свобода в религиозной жизни есть обязанность, долг. Человек обязан нести бремя свободы, не имеет права сбросить с себя это бремя. Бог принимает только свободных, только свободные нужны Ему. Великий Инквизитор у Достоевского, враг свободы и враг Христа, говорит с укором Христу: «Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошёл он за Тобой, прельщённый и пленённый Тобою». Достоевский ставит вопрос о христианской свободе на религиозную почву и даёт невиданную ещё по силе апологию свободы. По Достоевскому, человек должен вынести бремя свободы, чтобы спастись. Христианская религия есть свобода во Христе. Насильственное спасение невозможно и ненужно.

Н.А. Бердяев. «Философия свободы». (1909)